

А. Е. Барышников

ORCID: 0000-0002-2343-8537

✉ baryshnikov85@gmail.com

*Нижегородский государственный университет
им. Н. И. Лобачевского (Россия, Нижний Новгород)*

Воля Империи, сила обстоятельств? Новая книга о Каллеве атребатов и проблемы римско-британского урбанизма

Рецензия на: *Fulford M. Silchester revealed: The Iron Age and Roman town of Calleva. Oxford: Windgather Press, 2021. — 206 p.*

Для цитирования: *Барышников А. Е. Воля Империи, сила обстоятельств? Новая книга о Каллеве атребатов и проблемы римско-британского урбанизма // Шаги/Steps. Т. 9. № 2. 2023. С. 243–256. <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2023-9-2-243-256>.*

Благодарности. Работа выполнена при финансовой поддержке РНФ, проект № 20-18-00374.

*Рецензия поступила в редакцию 1 декабря 2022 г.
Принято к печати 29 января 2023 г.*

Shagi / Steps. Vol. 9. No. 2. 2023
Book Reviews

А. Ye. Baryshnikov

ORCID: 0000-0002-2343-8537

✉ baryshnikov85@gmail.com

*Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod
(Russia, Nizhny Novgorod)*

IMPERIAL WILL OR FORCE OF CIRCUMSTANCES? A NEW BOOK ABOUT CALLEVA ATREBATUM AND ISSUES OF ROMANO-BRITISH URBANISM

A review of: *Fulford, M. (2021). Silchester revealed: The Iron Age and Roman town of Calleva. Windgather Press. 206 p.*

To cite this review: *Baryshnikov, A. E. (2023). Imperial will or force of circumstances? A new book about Calleva Atrebatum and issues of Romano-British urbanism. Shagi / Steps, 9(2), 243–256. (In Russian). <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2023-9-2-243-256>.*

Acknowledgements. The work is conducted with financial support from the Russian Science Foundation, project no. 20-18-00374.

Received December 1, 2022

Accepted January 29, 2023

В обширном корпусе публикаций о городах римской Британии можно выделить несколько основных групп текстов. К первой, наиболее многочисленной, относятся работы узкой направленности, сфокусированные либо на отдельно взятом аспекте развития одного из центров урбанизма, либо на конкретном городском памятнике; часто это лишь в некоторой степени адаптированные для читательской аудитории версии археологических отчетов (например, [Bateman et al. 2008; Humphreys 2021]).

Вторую группу составляют публикации общего характера. Главная цель этих исследований — выявить наиболее значимые тенденции и характеристики жизни городов, создать обзор, позволяющий включить материалы из разных частей провинции. Подобных трудов очень мало, их можно пересчитать по пальцам одной руки (например, [Wacher 1974; 1995; Rogers 2011; 2013]).

Наконец, третья группа включает книги, представляющие собой синтез свидетельств и гипотез о жизни конкретного города. Каждый такой текст — своеобразная *summa urbis*, биография поселения, включающая практически все доступные сведения о его жизни от момента основания до упадка. Чаще всего автором выступает ведущий специалист, посвятивший исследованию города всю свою научную карьеру (как, например, Филипп Крамми в Колчестере). Рассчитанные на широкую аудиторию, эти книги написаны порой легковесно, с заметным уклоном в научно-популярный жанр, что не отменяет их сугубо научного значения. Они создают обобщенные портреты провинциальных городов, задают основные направления будущих поисков и становятся обязательной строкой в списках литературы новых исследований. Подобных книг, посвященных наиболее значимым и исследованным городским центрам римской Британии, насчитывается несколько десятков (например, [Crummu 1997; Niblett 2001; Perring 2022]).

Тем не менее ряд важных поселений острова еще не получил подобных описаний¹. До недавнего времени к их числу относилась Каллева агребатов (современный Силчестер). Это, безусловно, парадокс. Каллева является одним из наиболее изученных и изучаемых городов римской Британии, что во многом было предопределено ее постримской судьбой. На месте некогда процветавшего центра провинции не появилось сколь-нибудь значимых средневековых поселений или городов Нового времени. Это сделало Каллеву едва ли не идеальным объектом исследования и важнейшим памятником для специалистов по романо-британскому урбанизму. Но, несмотря на полтора столетия последовательного изучения города, до недавних пор не существовало сколь-

¹ Речь прежде всего идет о Дурверне кантиаков (Кентербери), Новиомаге регнов (Чичестер) и Венге бельгов (Уинчестер).

нибудь полного синтеза истории древнего Силчестера². Книга Майкла Фулфорда, профессора Университета Рединга и ведущего специалиста по истории Каллевы, вышедшая в 2021 г., меняет ситуацию.

Она состоит из девяти глав, постскриптума и краткой тематической библиографии.

Первая глава включает краткий обзор истории изучения древнего Силчестера (р. 1–12) и характеристику исследований на современном этапе (р. 12–27). Историографическую часть Фулфорд начинает с рассказа о первых попытках исследования зеленого поля возле приходской церкви Св. Девы Марии, под которыми находились остатки Каллевы. Уже с XVII в. римский город появляется в изысканиях антиквариев: Уильям Кэмден обсуждал возможные границы поселения, Уильям Стьюкли верно идентифицировал одно из строений как амфитеатр, а Джон Райт составил примерный план Каллевы (р. 2–4, fig. 1.5). Важным событием стали раскопки, организованные преподобным Джеймсом Джойсом в 1863–1878 гг. Как отмечает Фулфорд, именно они показали потенциал и ценность Каллевы для будущих археологов. Яркие находки, подобные знаменитой фигурке бронзового орла, и публикация результатов полевой работы стали важным событием в зарождающихся исследованиях римской Британии (р. 5–7). Представляется, что именно эти исследования, сравнительно небольшие по масштабу (в первые годы на раскопках были заняты лишь четверо рабочих и сам Джойс), но значительные с точки зрения результатов, сыграли решающую роль в будущей судьбе Каллевы.

После успеха Джойса найти финансирование для новых полевых работ было проще: интерес к римскому городу повлиял на решение Лондонского общества антиквариев выделить средства на проект, который под руководством У. Сент-Джона и Джорджа Фокса длился почти двадцать лет, с 1890 по 1909 г. (р. 8). Именно викторианские раскопки, по мнению Фулфорда, были наиболее значительным этапом в изучении истории поселения — их материалы легли в основу первой обобщающей монографии-отчете о Каллеве, подготовленной Джорджем Буном через полвека после окончания работ (р. 1, 11) [Boon 1957; 1974]. Автор справедливо указывает, что проект Сент-Джона и Фокса оказался не только продуктивным с точки зрения количества и качества собранных данных, но и новаторским в методическом отношении. Именно при исследованиях Каллевы были предприняты попытки изучить семена и насекомых, благо анаэробная среда некоторых ям и колодцев сохранила пригодный для анализа материал (р. 9). Кроме того, было сделано множество важных находок: обнаружены монеты, металлические изделия, керамика *terra sigillata*, черепица с клеймами, фрагменты мозаик. Особенное значение имело обнаружение в XXXV инсуле частично сохранившейся надписи из пёрбекского мрамора с упоминанием названия римского города — так была поставлена точка в спорах о локализации древней Каллевы и идентификации Силчестера.

Важнейшим достижением викторианского проекта стало создание подробной карты римского города, которая отражала его состояние и внешний облик к началу III в. (р. 11–12). Однако Фулфорд отмечает недостатки работ

---

² С некоторой натяжкой к подобным примерам можно отнести книгу Джорджа Буна (о ней см. ниже) [Boon 1957; 1974]. Тем не менее она более походит на комплексный археологический отчет, чем на полноценную реконструкцию истории Каллевы.

Сент-Джона и Фокса, вполне типичные для своего времени. К их числу относятся прежде всего небрежное отношение к стратиграфии и отсутствие должного внимания к массовым источникам, костям животных, строительным материалам, керамике местного производства (р. 10). Некоторые выводы, сделанные на рубеже веков, в 1950–1960-е годы попытались уточнить Джордж Бун и Йэн Ричмонд, организовавшие небольшие по масштабу полевые работы. Они не изменили в корне имеющиеся представления о Каллеве, но позволили выявить более раннюю фазу существования города, хронологически относящуюся к кануну римского завоевания или первым десятилетиям существования провинции; в рамках же викторианского проекта доримские древности поселения обнаружить не смогли (р. 12–14).

Охарактеризовав достижения предшественников, автор переходит к обзору новейшего этапа в изучении Каллевы (р. 14–19). Фактически данная часть главы представляет краткий самоотчет, ведь начиная с 1970-х годов именно Фулфорд был главным организатором, руководителем и идейным вдохновителем исследовательских работ в этом направлении. Впрочем, этот историографический фрагмент отличает поразительная скромность. Современный читатель, незнакомый с библиографией Фулфорда, вряд ли поймет, что именно многолетние труды его команды окончательно утвердили Каллеву в статусе самого изученного города провинции. Зато он получит исчерпывающее представление о новейших методах исследования и результатах, которые они могут дать (р. 18–19).

Завершается глава размышлениями о возможных перспективах изучения Каллевы (р. 20–27). Фулфорд наглядно показывает объективные трудности изучения поселения, подчеркивая тем самым важность качественного улучшения методологии исследований (р. 22–23). Тем не менее недавно завершённый проект изучения IX инсулы и начавшиеся работы в III, XXX и XXXII инсулах, несмотря на объективно ограниченный характер, могут в ближайшем будущем изменить наши представления как об истории Каллевы, так и о специфике романо-британского урбанизма в целом. Остается лишь сожалеть, что до сих пор не локализованы городские некрополи — без них реконструкции этнокультурного состава населения и образа жизни римского Силчестера обречены на неполноту.

Вторая глава посвящена истории доримской Каллевы (р. 28–50). Этот период существования поселения долгое время оставался самым темным и малоизученным из всех. Лишь полевые работы рубежа веков серьезно изменили ситуацию [Fulford et al. 2020].

В начале главы Фулфорд с опорой на нумизматические данные кратко характеризует политический контекст возникновения Каллевы. Оппидум атребатов возникает на землях Южной династии, но в 25 г. до н. э., в правление царя Верики, переходит под контроль ее главных конкурентов из Восточной династии — Кунобелина и Эпатикка (р. 28–32). Территория доримской Каллевы была ограничена системой земляных укреплений, которую со времен Джорджа Буна принято обозначать термином *Inner Earthwork* (р. 32–33). Появление оппидума Фулфорд условно датирует 10 годом до н. э., отмечая отсутствие преемственности с поселениями IV–II вв. до н. э. Это позволяет автору сделать вывод о том, что рождение Каллевы не было результатом по-

степенного процесса урбанизации. Доримский город, по мнению Фулфорда, был основан в один момент, и в процессе создания нового поселения важнейшую роль играли колонисты из северной Франции (р. 35). Подобная этнокультурная идентификация поддерживается результатами исследований в районе IX инсулы. Обитатели этой части оппидума активно пользовались столовой посудой, импортированной из южной Галлии, и стеклянными сосудами, произведенными в Италии, потребляли оливковое масло и оливки, вино, использовали в готовке пищи кориандр. Важную роль в повседневном рационе играло мясо, прежде всего говядина, что отличало Каллеву от других британских поселений доримского времени, в которых крупный рогатый скот использовался прежде всего для производства молочных продуктов. В целом, предметы повседневного быта и рацион жителей оппидума не характерны для островных сообществ доримского времени и свидетельствуют в пользу гипотезы о мигрантах с континента как основе населения (р. 36–39).

Каллева была значительным — конечно, по меркам британского железного века — центром ремесленного производства. Здесь чеканилась монета, развивались металлообработка и ткачество (р. 40–41). Но в экономическом смысле доримский оппидум был прежде всего центром торговли, важным узлом в системе обмена между различными областями острова и в связях с континентом. Находки монет из Северной Галлии, Арморики и Бельгики указывают на наличие устойчивых торговых контактов с этими регионами, находившимися теперь под контролем Рима. Предметы, произведенные в других регионах Британии, демонстрируют, что поселение было местом, куда стекались важные ресурсы и товары — соль из северо-восточного Кента, каменные ручные мельницы из Западного Сассекса, олово и медь из Корнуолла и Дорсета, сланец с полуострова Пёрбек (р. 42–43, fig. 2.17). На вопрос, что могла производить и продавать Каллева, Фулфорд отвечает ссылкой на известный пассаж из «Географии» Страбона (Strabo IV, V.2): шкуры, зерно, рабов и охотничьих собак (р. 44). Торговое значение оппидума атребатов определялось выгодным географическим положением — всего в 16 км от слияния Темзы и Кеннета, притоки и долины которых обеспечивали удобную коммуникацию с северными и западными соседями (р. 45–47).

Возникновение протогорода, интегрированного в островную и континентальную системы обмена, обладающего усложняющейся социальной структурой и наличием значительного числа переселенцев из Галлии, вполне вписывалось в общую эволюцию поселений и политий юго-востока Британии. Подобную картину, как отмечает Фулфорд, можно наблюдать в доримских Кентербери, Чичестере, Колчестере и Сент-Олбансе (р. 48). При этом появление урбанизма на землях атребатов исследователь объясняет прямой поддержкой римских властей (р. 49). Эта гипотеза представляется весьма и весьма спорной. Фулфорд приводит в ее пользу несколько соображений. Во-первых, находки сапожных гвоздей могут указывать на присутствие римских военных в Каллеве уже в самые первые годы ее существования³. Во-вторых, на это время приходится усиление военной активности Рима в прирейнских областях. Эти операции, с одной стороны, требовали привлечения множества

---

³ Об этом Фулфорд говорит уже на с. 39, но несколько более осторожно, чем в конце главы.

ресурсов, с другой — побуждали Империю установить контроль над источниками провианта и сырья на острове. Основание Каллевы было альтернативой прямой военной интервенции в Британию, о которой Август думал в 34, 27 и 26 гг. до н. э.⁴

В предложенной реконструкции доримский опыт урбанизации региона оказывается то ли имперским проектом, то ли частью политики галло-британских элит, поощряемой Римом. Безусловно, такие интерпретации исключать нельзя. Но насколько они вероятны? Насколько появление Каллевы было следствием политики и практики соседней державы? Представляется, что нельзя в полной мере исключать другие трактовки «римского фактора». Так, появление Империи, источника экзотических (для Британии) продуктов производства и «вечно голодного» потребителя сырья, могло создать — без всяких сознательных действий провинциальных администраторов — объективную потребность в торговых и ремесленных центрах на острове, включенных в систему обмена благами и ресурсами. «Невидимая рука» выгоды, созданная новой реальностью, могла действовать не менее эффективно, чем имперская воля.

В центре третьей главы — первые десятилетия жизни римского города (р. 51–75). Фулфорд отмечает, что Каллева могла быть резиденцией Каратака — сына царя Кунобелина и предводителя антиримской борьбы в 40-е годы (р. 51). Это делало город одной из важных целей для завоевателей. Возможно, в рамках противостояния имперской агрессии были сооружены массивные земляные укрепления — Inner Earthwork. При этом следов осады или штурма Каллевы на данный момент не обнаружено, хотя автор осторожно предполагает, что некоторые из найденных скелетов могут быть связаны с установлением римского контроля над поселением (р. 52–53). Каллева, вероятно всего, была занята силами Второго Августова легиона под командованием Веспасиана. Военное присутствие длилось недолго, но его последствия заметны в хозяйстве поселения — в диете обитателей Каллевы говядина вытеснила свинину и ягнятину. При этом не очень ясно, какой непосредственный эффект на местное население произвело завоевание. Фулфорд отмечает, что несмотря на некоторые признаки запустения, жизнь города не была прервана более, чем на пять лет (р. 54).

Первые десятилетия жизни римского города характеризуются значительными переменами в его облике. Во второй половине 40-х годов на месте будущего форума появляются деревянные постройки прямоугольной планировки, нарушающие привычную топографию доримской Каллевы. Именно на них сходились дороги, проложенные новой властью и связывавшие поселение с юго-западными регионами острова и Лондинием (р. 55–57). Фулфорд полагает, что данный комплекс не был — вопреки традиционной интерпретации — штаб-квартирой небольшого форта, но представлял собой *mansio*, часть военно-логистического узла, созданного Римом на базе поселения. Через Каллеву

⁴ Автор отмечает, что Каллева была одним из подобных поселений, не уточняя, какие еще опидумы возникли при поддержке и с разрешения римских властей. Вероятно, имеются в виду уже названные им ранее древние Колчестер, Чичестер, Кентербери и Сент-Олбанс.

шло снабжение армии, занятой операциями на западе, в землях силуров, дуругригов и думнониев (р. 57).

До конца неясным остается вопрос о том, кто управлял городом в это время. Обычно считалось, что он оказался во владениях Тогидубна, царя и клиента Рима. Но находки черепицы с клеймами, содержащими имя Нерона, указывают на причастность имперских властей к раннему развитию города⁵. Фулфорд высказывает предположение, что Каллева либо находилась под непосредственным управлением провинциальной администрации, которая с самого начала завоевания решила устроить здесь опорный пункт, либо была передана Тогидубном Нерону после восстания Боудикки в качестве дара (р. 58–60). Появление черепицы с императорскими клеймами, кроме всего прочего, указывает на активное строительство. В 60-е годы возводится первое каменное здание Каллевы — бани (р. 60–61). Впрочем, большинство строений, включая публичные сооружения, оставалось деревянными. В качестве иллюстрации этого тезиса Фулфорд приводит амфитеатр римского Силчестера, возведенный на восточной окраине поселения и отличавшийся необычной для провинции круглой (а не эллиптической) формой арены (р. 61–64, fig. 3.11).

Изменения в жизни города, пришедшиеся на 50–80-е годы, автор реконструирует на основе материалов, полученных при исследовании IX инсулы (р. 65–72). На смену «длинному дому», занимавшему значительную часть района в доримское время, приходит несколько небольших жилых построек круглой и прямоугольной планировки (р. 65). Находки, сделанные на месте этих домов, включают фрагменты местной керамики, фибулы, изготовленные в районе северной Темзы и Камулодуна, и немногочисленные предметы континентального импорта, среди которых выделяется ножка бронзового сосуда для вина в виде фигурки Гарпократа (р. 67–68). Наиболее известным артефактом из IX инсулы, который можно датировать первыми десятилетиями римской власти в Британии, является бронзовая статуэтка орла. Обнаруженная еще во время первых полевых работ в Силчестере, она, к сожалению, остается единственной уцелевшей частью большой скульптурной композиции, вероятно, изображавшей Юпитера (р. 69).

Анализ керамики и сохранившихся органических материалов позволил Фулфорду в общих чертах реконструировать рацион питания обитателей IX инсулы и других исследованных районов города. Для приготовления и потребления пищи использовалась в основном керамика местного и провинциального производства (прежде всего сосуды, производившиеся в Элис Холт Форест). При этом постепенно росла доля *terra sigillata*, импортируемой из южной Галлии (р. 69–70). Диета жителей Каллевы включала говядину, ягнятину, баранину и свинину. Основу растительной части рациона составляли зерновые (спельта и ячмень двурядный), которые дополнялись бобовыми, овощами, фруктами и ягодами. В целом, диета населения римской Каллевы несколько отличалась от диеты предшествующего периода наличием разнообразной рыбы и морепродуктов. В то же время способы хранения и приготовления

---

⁵ Буквально за неделю до завершения работы над данной рецензией была опубликована новая монография Майкла Фулфорда, посвященная археологическим исследованиям мастерских, производивших такие клейма [Fulford 2022].

пищи не изменились по сравнению с доримским временем (р. 70–71). Сравнивая районы города, Фулфорд отмечает, что жители домов в IX инсуле не потребляли моллюсков, столь популярных среди тех, кто обитал на месте будущего форума. Вкупе с разницей в объеме предметов импорта, обнаруженных в этих местах Каллевы, это наблюдение может указывать на новую, только складывающуюся структуру неравенства (р. 71–72). Подводя итог главы, автор отмечает, что к 70-м годам город начал приобретать облик, который в основном сохранится до конца его истории. Решающую роль в этом Фулфорд отводит имперской инициативе (он активно использует словосочетание «Неронов проект»). При этом активная застройка города сочеталась с сохранением некоторых доримских традиций. Появление публичных зданий — бань и амфитеатра — не было связано с появлением нового регулярного плана; напротив, они «вписывались» в существующее, несколько хаотичное пространство поселения (р. 73). Подобное сочетание нового и традиций, по словам Фулфорда, вообще характеризует первые 30–40 лет развития Каллевы (р. 74–75).

Четвертая глава посвящена последним десятилетиям I в. — короткому, но важному для развития Каллевы периоду. Именно на это время приходится новая волна изменений городского облика (р. 76–102). Важнейшим из них, по мнению Фулфорда, была регулярная планировка с улицами, пересекающимися под прямым углом, и кварталами-инсулами (р. 76). Будучи созданной единовременно, она учитывала уже существующие особенности городской топографии — границы, обозначенные земляными укреплениями Inner Earthwork, и дороги, возникшие сразу после римского завоевания (р. 77). Такая планировка просуществовала до конца III в. практически без изменений (р. 78). Новый вид городского пространства автор связывает с процессами реорганизации собственности. Анализ жилых строений IX инсулы показывает, что некоторые районы не изменились в этот период, в других — о чем, в частности, говорит надпись из XXXV инсулы (RIB I 69–70) — появились переселенцы с континента. Автор высказывает осторожное предположение, что между коренным населением Каллевы и мигрантами могла существовать напряженность (р. 80).

Еще одним важным новшеством в жизни города стало появление комплекса форума и базилики. Многолетнее изучение этого памятника в центре поселения позволяет детально описать его возникновение и эволюцию (р. 80–81). К сожалению, о том, какая политико-административная реальность стоит за изменениями материальной культуры, можно лишь гадать. Что Фулфорд и делает — он вновь возвращается к мысли о том, что Каллева при Нероне находилась под непосредственным управлением Империи (р. 82). Создание административного округа атребатов вокруг римского Силчестера автор связывает с переходом этих территорий из имперской собственности под управление местных элит. Не совсем ясно, как именно это произошло. Исследователь полагает, что имперское имущество было продано, а средства от этой продажи пошли на обустройство города в качестве административного центра только что созданного округа атребатов (р. 83). Вообще сам процесс перестройки Каллевы остается во многом непонятным. Часть находок указывает на присутствие в поселении значительного числа людей, связанных с военной средой;

вероятно, они принимали активное участие в реализации градостроительного проекта (р. 84).

Помимо форума на последние десятилетия I в. приходится сооружение ряда монументальных зданий, как общественных, так и частных. Первые были представлены комплексом бань, постройкой в VIII инсуле, обычно идентифицируемой как *mansio*, и несколькими храмами (р. 84–89). Последние представляют собой типичные образцы «романо-кельтских» святилищ, но связаны с разными богами и культами. Храм в XXXV инсуле, построенный на средства коллегии peregrini, мог быть местом отправления официальных имперских культов — во всяком случае Фулфорд соглашается с мнением о том, что он был воздвигнут в честь победы при Гравпийской горе (р. 88). Три культовых сооружения в XXX инсуле, появившихся в 80–90-е годы, были одними из самых высоких в городе и, как замечает автор, являлись важным визуальным ориентиром для всех обитателей Каллевы. Наконец, храм в VII инсуле мог быть, по мысли Фулфорда, местом проведения религиозных церемоний и праздников, важных для городской общины. Невозможно связать эти сооружения с конкретными культами, но отдельные артефакты, подобные бюсту Сераписа, найденному на территории Силчестера вне исходного контекста, указывают на присутствие в Каллеве восточных верований (р. 89).

В этот же период появляется несколько богатых домов в IX и XIX инсулах. Они известны прежде всего по сохранившимся каменным фундаментам и фрагментам полов с мозаиками (р. 90–91). Анализ содержимого выгребной ямы, находившейся в IX инсуле, позволил реконструировать некоторые аспекты повседневной жизни обитателей этих городских поместий. В целом, рацион не претерпел серьезных изменений, став еще больше похожим на диету жителей крупных городов других западных провинций (р. 96–97).

Материалы II и III инсул показывают, что масштабные работы в буквальном смысле ломали предшествующий уклад жизни. Вдоль улиц, связанных с дорогой на Лондиниум, обнаружены следы лавок и ремесленных мастерских, возведенных в одно время с переустройством городского плана (р. 99–100). Впрочем, не все из начатых в этот период проектов были завершены. В частности, небольшая усадьба с портиком во II инсуле оказалась заброшенной на середине строительства (р. 100).

Еще одно важное новшество, отличавшее Каллеву первых десятилетий провинциальной истории от позднего города, касалось свалок и выгребных ям. Система сбора отходов была упорядочена, число ям в центральных районах поселения сократилось, и мусор, как полагает Фулфорд, стал регулярно вывозиться за пределы обитания горожан (р. 102–103).

В пятой главе автор подробно рассказывает о II в. — времени подлинного расцвета Каллевы. Ее символом может служить комплекс из массивного здания базилики и вымощенного камнем форума, возведенный в 120-е годы, видимо, в связи с посещением провинции императором Адрианом (р. 103–104). Этот элемент городского пространства, отмечает автор, вполне соответствует островным образцам и, вероятнее всего, был спроектирован и сооружен под руководством архитектора, происходившего из военной среды (р. 105). В это же время был перестроен амфитеатр (р. 106–107, fig. 5.5). Перемены коснулись и системы водоснабжения: в III инсуле были обнаружены следы водо-

провода, а исследования IX и XIV инсул показали, что комплексы городских усадеб обзавелись колодцами и канализациями (р. 108–109). При этом, как отмечает Фулфорд, подавляющее большинство перестроенных и вновь возведенных строений были частными. Показательными здесь служат результаты, полученные при исследовании IX инсулы: деревянные дома обзаводились каменными фундаментами или полностью заменялись новыми, монументальными сооружениями (р. 110–112). Раскопки двух больших усадеб в XIV инсуле показывают, что качественные изменения касались интерьеров, в которых все чаще можно увидеть мозаики (р. 114). Такая трансформация города не могла случиться без притока ресурсов и развития хозяйственных отношений; автор вполне резонно полагает, что II в. стал для Каллевы, как и для Британии в целом, периодом экономического процветания (р. 116). В случае с римским Силчестером подъем во многом обеспечивался выгодным положением на пересечении торговых маршрутов (р. 117). В городе и его окрестностях активно развивались ремесла — гончарное (керамика Элис Холт Форест), стекольное, коженное и металлургическое производства, ювелирное дело (р. 118–121).

В попытках реконструировать жизнь горожан этого периода Фулфорд обращает внимание на результаты раскопок в IX инсуле. Они показывают, что часть хозяйственной активности происходила там же, где обитали люди, — так, рядом с усадьбой держали скот (возможно, для дальнейшей продажи); найдены также следы металлообработки и ювелирного промысла. При этом по сравнению с более ранними периодами экономическая повседневность жителей дома в IX инсуле изменилась. Так, отсутствие ручных мельниц и инструментов, необходимых для производства тканей, говорит о том, что в некоторых аспектах домашнее ремесло уступило место потреблению купленных на рынке товаров (р. 122–124). Завершают главу размышления о возможной численности населения Каллевы. Фулфорд, подчеркивая условность подобных расчетов, полагает, что в период наивысшего расцвета в городе проживало около семи тысяч человек (р. 129).

Шестая глава посвящена жизни города в III в., беспокойном времени как для Империи, так и для Каллевы. Особое внимание автор уделяет сооружению системы укреплений — главной новации в облике города. Начало ее строительства, вероятно, связано с борьбой за императорскую власть в конце II в. (р. 130). Каллева, бывшая до этого времени поселением без явно обозначенных границ, была опоясана насыпью с палисадом и двумя рвами (р. 131). В таком виде городские укрепления просуществовали до 260–280-х годов, когда их заменили монументальные каменные сооружения (р. 133). Стены и ворота римского Силчестера отличались от фортификаций других крупных поселений отсутствием элементов кирпичной кладки — причина этого не вполне ясна, но может быть связана с общим хозяйственным развитием города, сохранившего связь с торговыми маршрутами, позволяющими доставлять камень из разных частей Британии, но утратившего производство кирпичей и черепицы (р. 134–135). Нет ясности, кто выступил инициатором и организатором этого затратного проекта. Наиболее вероятные кандидаты — Проб, с чьим правлением связано переустройство пограничных территорий и северо-западных провинций Империи, или Караузий и Аллект, узурпаторы, захватившие власть в Британии (р. 138–140). Если верна последняя гипотеза, то именно

территория вокруг Каллевы могла быть местом последнего сражения Аллекта с высадившимися на острове силами Констанция Хлора (р. 140).

Появление системы каменных укреплений не было единственным изменением городского пространства в III в. Еще до возведения стен, в первой трети столетия были перестроены комплекс форум-базилика и амфитеатр (р. 140–142). Материалы IX и XXVI инсул показывают, что серьезную реорганизацию пережили районы с частными постройками (р. 145). Часть жилых домов была снесена — по осторожному предположению Фулфорда, перед нами могут быть следы репрессий против богатых сторонников Караузия и Аллекта, хотя это лишь одно из возможных объяснений (р. 147).

В трех последних главах книги исследователь анализирует жизнь позднеримской Каллевы. По объему и информационной насыщенности эти разделы уступают предшествующим. Виной тому не лень автора, а объективные обстоятельства, с рассмотрения которых начинается седьмая глава. Значительная часть материальных свидетельств о городе этого времени была получена в результате полевых работ викторианского времени, которые, к сожалению, больше уничтожили, чем сохранили (р. 149). Ясно, что в Каллеве IV в. не возводилось больших общественных зданий; к числу публичных проектов можно отнести лишь регулярное обновление и ремонт комплекса бань, сооруженного во II в. (р. 148). Это, впрочем, не означает упадка поселения. Частные дома в XIV, XXVII и XXXIV инсулах, которые можно датировать позднеримским временем, вероятно, принадлежали состоятельным горожанам — их владельцы могли себе позволить мозаики и гипocaustы (р. 153–157). Современные раскопки на территории III и IX инсул позволили увидеть и другие, менее впечатляющие строения, небольшие усадьбы и ремесленные мастерские (р. 158–162). Ряд вопросов вызывает здание в IV инсуле, которое часто идентифицируют как христианскую церковь. Фулфорд, допуская такую интерпретацию, отмечает, что признаков, однозначно указывающих на это, нет. Более того, не вполне ясна точная датировка сооружения «церкви» — возможно, правильно было бы отнести ее к III, а не IV в. (р. 151–153). В завершение главы автор отмечает, что Силчестер позднеримского времени процветал, хотя реальный уровень благосостояния города пока сложно определить в силу ограниченности источниковой базы (р. 163).

В центре восьмой главы — жизнь Каллевы в IV в. В попытках реконструировать повседневность Фулфорд обращается к рациону питания обитателей IX и XXIV инсул, представления о котором существенно расширились благодаря находкам последних двадцати лет. Диета горожан отличалась разнообразием. Значительное место в ней занимали рыба и морепродукты. По сравнению с предшествующими периодами существования Каллевы большее распространение получило употребление в пищу домашней птицы. Наконец, присутствие в рационе импортных продуктов (вина из Малой Азии, оливкового масла из Турции, винограда, фиг, огурцов) демонстрирует, что город сохранял свое место в системе торговых связей провинции и континента, хоть совокупность данных и говорит о сокращении объемов импорта (р. 165–166; 170). При этом позднеримский город частично обеспечивал себя провизией самостоятельно: в окрестностях и внутри городской черты зафиксированы следы птицеводства и скотоводства (р. 168). Сложнее обстояло дело с хлебом

и зерновыми — судя по всему, производство и обработка продуктов земледелия находилось на достаточном удалении от Каллевы (р. 169).

В структуре хозяйственной жизни города заметно расширение двух промыслов — металлургии и обработки костей (р. 170). Некоторые сферы экономической активности напротив, переживали не самые лучшие времена. Так, локальное производство керамики несколько уменьшилось, и Каллева стала больше зависеть от других провинциальных центров гончарного дела, прежде всего Дорчестера-на-Темзе и Оксфорда (р. 173–175). Находки фрагментов керамических сосудов, созданных в районе Пуатье, указывают, что город до последних десятилетий существования сохранял некоторые связи с континентом. Каллева, как представляется Фулфорду, оставалась важной частью региональной логистической сети с центром в Лондини, через который в район римского Силчестера и попадало большинство импортов (р. 176–177).

Завершает главу небольшой раздел о собаках и кошках в Каллеве. Его появление — не прихоть автора, но следствие специфики корпуса материальных источников, связанных с повседневностью города IV–V вв. В наиболее исследованном районе позднеримской Каллевы, IX инсуле, обнаружено несколько погребений домашних животных. Судя по сохранившимся скелетам, собаки были представлены породами разных размеров, от крупных, сравнимых с лабрадором, до совсем небольших, напоминающих современных терьеров. Вероятно, их функции были столь же различными — они использовались для охраны, охоты на грызунов, в психотерапевтических и декоративных целях (р. 178). Погребение домашней кошки, найденное на границе IX и XXIV инсул, говорит об особом отношении обитателей Каллевы к этим животным, что кажется довольно необычным для провинции (р. 179). Как замечает Фулфорд, в ритуальном смысле погребения домашних животных схожи с захоронениями младенцев, которые также помещались в пределах городской застройки, часто рядом с жилыми домами (р. 180–181).

Последняя, короткая девятая глава посвящена концу Каллевы как романо-британского города. Коротко обрисовав общий контекст упадка и гибели провинции, автор отмечает целый ряд признаков глубокого кризиса жизни в римском Силчестере рубежа IV–V вв.: сокращение обитаемой территории внутри городских границ, порча монеты, обеднение материальной культуры (р. 183). Но, как подчеркивает исследователь, эти десятилетия не были временем беспросветного мрака. Хозяйственная активность, включая сбор податей и торговлю, не прекратилась совсем, кроме того, была предпринята попытка ремонта и перестройки здания общественных бань, требовавшая аккумуляции ресурсов и значительных организационных усилий (р. 184). Однако это происходило в не самых благоприятных внешних условиях. Угроза обитателям Каллевы вынудила их завалить камнями три из четырех городских ворот, а находки человеческих останков в районе рвов, опоясывающих поселение, могут быть следами вооруженных столкновений (р. 186–187). О тяжелых временах свидетельствуют и находки небольших кладов, относящиеся к первым десятилетиям V в. (р. 189–190). Этим же периодом можно датировать известную огамическую надпись, найденную в IX инсуле. На небольшой («карликовой», как она обозначается в тексте) колонне было прочитано имя некоего Тебиката (р. 190). Кем он был, как был связан с Ирландией, как оказался в Каллеве —

не вполне ясно, хотя само появление такой надписи на территории поселения может указывать на серьезные перемены в составе его населения (р. 192–193).

С уходом Рима из Британии участь города оказывается предрешенной. Между V и VII вв. Каллева, оказавшаяся на границе Мерсии и Уэссекса, исчезает: люди переселяются на другие земли, а на месте поселения возникает англо-саксонский монастырь (р. 194–195). Ко времени создания Книги Судного дня здесь появятся небольшая деревня Силчестер и скромная церковь Св. Марии, а некогда благополучный провинциальный город окажется окончательно скрыт под землей (р. 196–197).

Так заканчивается история Каллевы атребатов, а вместе с ней — книга Майкла Фулфорда. Самыми спорными ее элементами оказываются попытки реконструкции ключевых событий ранней истории Каллевы. Прежде всего имеется в виду гипотеза, согласно которой само появление доримского поселения было связано с действиями и потребностями Римской империи. Впрочем, и другие предположения автора вызывают вопросы. Так, мысль о том, что Тогидубн передал (или, как говорит сам Фулфорд, подарил) город императору Нерону, представляется пусть и интересной, но практически недоказуемой, во всяком случае при сегодняшнем состоянии источниковой базы.

Это, конечно, не означает, что исторические гипотезы Фулфорда несостоятельны. Напротив, они заслуживают особенного внимания и должны стать началом новых поисков, призванных решить загадки обозначенных исследователем проблемных мест.

В целом книга Фулфорда заслуживает высокой оценки и лестных слов. Она представляет собой оригинальный синтез десятилетий археологических исследований самого высшего качества — и в этом нет ничего удивительного, учитывая как квалификацию автора, так и его личную роль в изучении римского Силчестера. Но достоинства монографии не ограничиваются сугубо научной сферой; она представляет собой очень ясно написанный и увлекательный текст.

Нет и не может быть сомнений, что рецензируемое издание станет обязательным пунктом в списке чтения для всех, кто занимается урбанизацией западных провинций Римской империи и историей римской Британии.

References

- Bateman, N., Cowan, C., & Wroe-Brown, R. (2008). *London's Roman amphitheatre: Guildhall Yard, City of London*. MoLAS.
- Boon, G. (1957). *Silchester: The Roman town of Calleva*. Reading Museum.
- Boon, G. (1974). *Silchester: The Roman town of Calleva* (rev. and exp. ed.). David and Charles.
- Crummy, P. (1997). *City of victory: The story of Colchester, Britain's first Roman town*. Colchester Archaeological Trust.
- Humphreys, O. (2021). *London's Roman tools: Craft, agriculture and experience in an ancient city*. BAR Publishing.
- Fulford, M. (2022). *The Emperor Nero's pottery and tiling at Little London, Pamber, by Silchester, Hampshire: The excavations of 2017*. Society for the Promotion of Roman Studies.
- Fulford, M., Clarke, A., Durham, E., & Pankhurst, N. (2020). *Silchester Insula IX: The Claudio-Neronian occupation of the Iron Age oppidum: The early Roman occupation at Silchester Insula IX*. Society for the Promotion of Roman Studies.

- Niblett, R. (2001). *Verulamium: The Roman city of St. Albans*. Tempus.
- Perring, D. (2022). *London in the Roman world*. Oxford Univ. Press.
- Rogers, A. (2011). *Late Roman towns in Britain: Rethinking change and decline*. Cambridge Univ. Press.
- Rogers, A. (2013). *Water and Roman urbanism: Towns, waterscapes, land transformation and experience in Roman Britain*. Brill.
- Wacher, J. (1974). *The towns of Roman Britain*. Book Club Associates.
- Wacher, J. (1995). *The towns of Roman Britain* (2nd ed., rev.). Batsford.

* * *

Информация об авторе

Information about the author

Антон Ералыевич Барышников

*кандидат исторических наук
научный сотрудник, кафедра истории
древнего мира и классических языков,
Институт международных отношений
и мировой истории, Нижегородский
государственный университет
им. Н. И. Лобачевского
Россия, 603005, Нижний Новгород, ул.
Ульянова, д. 2
Телефон: +7 (831) 462-35-03
✉ baryshnikov85@gmail.com*

Anton Ye. Baryshnikov

*Cand. Sci. (History)
Researcher, Department of Ancient World
and Classical Languages, Institute of
International Relations and World History,
Lobachevsky State University of Nizhny
Novgorod
Russia, 603005, Nizhny Novgorod, Ulyanova
Str., 2
Tel.: +7 (831) 462-35-03
✉ baryshnikov85@gmail.com*